

Николай Селиванов

ЗАТЯНУТОСТЬ ВО ВРЕМЕНИ

Николай Селиванов

**Затянутость во времени.
Документальная повесть
о событиях второй
чеченской кампании**

«Издательские решения»

Селиванов Н.

Затянутость во времени. Документальная повесть о событиях второй чеченской кампании / Н. Селиванов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-933850-1

Сюжет основан на действительных событиях, участником которых был сам автор. Описаны реальные люди, лишь слегка изменены их фамилии.

ISBN 978-5-44-933850-1

© Селиванов Н.
© Издательские решения

Содержание

Сокращения и сленговые обозначения, используемые в тексте	6
1	7
2	13
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Затянутасть во времени

Документальная повесть о событиях

второй чеченской кампании

Николай Селиванов

*«В одной невероятной скачке
Вы прожили свой краткий век...
И ваши кудри, ваши бачки
Засыпал снег»*

М. Цветаева

© Николай Селиванов, 2018

ISBN 978-5-4493-3850-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Сюжет основан на действительных событиях, участником которых был сам автор. Описаны реальные люди, лишь слегка изменены их фамилии.

Сокращения и сленговые обозначения, используемые в тексте

АГС – автоматический гранатомет станковый
Бешка, БМП – боевая машина пехоты
Бетер, БТР – боевая машина пехоты
ВСС – винтовка снайперская специальная
Двухсотые, Груз 200 – убитые
Трехсотые, Груз 300 – раненые
Зеленка – деревья, кусты
Квакеры, ПНВ – прибор ночного видения
НР – начальник разведки
ПБ – пистолет Макарова бесшумный
ПБС – прибор беспламенной бесшумной стрельбы
ПК – пулемет Калашникова
ПМ – пистолет Макарова
ПН – прицел ночной
Подствольник, ГП-25 – гранатомет подствольный
Муха, Агидель, РПГ – ручные противотанковые гранатометы
Разгрузка – разгрузочный жилет для ношения боеприпасов
СВД – снайперская винтовка Драгунова
Режим «Б» – режим закрытой радиосвязи при помощи ЗАС – засекреченной аппаратуры связи
Эргедешка, РГД-5 – ручная граната
Эфка, Ф-1 – ручная граната

1

Он шел впереди цепочки разведчиков по густому лесу. Внимательно наблюдал за движениями качающихся от легкого ветра веток. Осторожно ступал в высоких ботинках с мягкой подошвой, старался определить, нет ли впереди ненужных сюрпризов. Могла быть засада чичиков. Но это полбеды, ее можно приблизительно вычислить. Самая неприятная вещь – это «растяжка».

Вообще-то его учили, что этим словом называется противопехотная мина, от взрывателя которой тянется тонкая, едва заметная проволока. Но только здесь, на чеченской войне, он узнал, что существует большое количество таких мин и способов их закладки. Чего стоит коварная «мина-лягушка», которая выпрыгивает буквально из-под земли на высоту около метра и взрывается, чтобы сотней осколков в виде кусочков ржавых гвоздей, проволоки и прочих подобных железок поразить как можно больше живой силы. Да и проволока не такая уж необходимая вещь – достаточно чтобы взрыватель удерживался каким-либо сучком или веткой, неприметной корягой, которую обязательно заденешь, проходя мимо.

Всеми этими и многими другими хитростями, заместитель командира взвода разведроты старший сержант Николаев, овладел недавно. Но они накрепко засели у него даже не в памяти, а в сознании и создавали основу его мыслей и поступков.

Впереди подозрительно шевельнулся темный предмет. Николаев, опустившись на одно колено, вскинул вверх руку. Разведгруппа мгновенно выполнила команду – находясь в колонне, с дистанцией 3—5 метров друг от друга, залегли через одного вправо – влево и изготовились к бою. Николаев, укрывшись в крохотной ложбинке, прополз чуть вперед, увеличивая себе обзор, и застыл, всматриваясь. Мартовский лес, в котором почки только-только начали набухать, просматривался метров на пятьдесят. К нему неслышно подобрался командир взвода лейтенант Смагленко и шепотом спросил:

– Святой, что там?

Николаев молча указал на небольшой холмик. Прислушались. Так и есть – оттуда раздались негромкие голоса.

– Чичики, – полувопросительно сказал он.

Лейтенант был молодым и хорошо подготовленным молодым офицером разведки, поэтому на принятие решения у него ушла доля секунды.

– Бери Макса и сто метров левее – гляньте сверху. Связь – ко мне.

Николаев бесшумно нырнул в заросли, оттуда появился связист разведгруппы с большим плоским ящиком радиостанции Р-153 за спиной. Рация была тяжелая и неудобная. Большие наушники или головные телефоны, как их правильно называть, закрывали полностью уши, поэтому разведчику кроме потрескивания эфира и переговоров других подразделений на этой частоте, практически ничего не было слышно. К тому же тяжелый микрофон свисал с наушников на длинных шнурах и постоянно болтался при ходьбе, перебежках и залеганиях. Сама рация весила больше десяти килограммов. Но это был довольно мощный и простой в обращении аппарат. А, как известно, эти два качества у вооружения ценятся больше всего, но никак не удобство в обращении.

Радист был хорошим разведчиком – радиотелеграфистом и кличку имел незамысловатую – «Связь».

– Передавай: в квадрате «Зубр», по улитке 6, наблюдаю движение. Выясняю.

Через несколько минут вернулись Николаев и Макс.

– Взводный, точно – духи. Пулеметное гнездо и три или четыре автоматчика. Точно не видно. Ближе не ходили, чтоб не спугнуть, – на одном дыхании выпалил Николаев, глаза горели огоньком охотничьего азарта, а все тело было готово к немедленному действию.

– Почему здесь? Кого-то ждут или что-то охраняют, задумчиво говорил лейтенант, рассматривая сопочку.

– Тащ льнант! – подполз ближе Макс, – Святой чичиков считал, а я прошел чуть выше, чтобы посмотреть какой у них обзор. В общем, там небольшая просека и дорогу вниз видно. Изгиб, как на ладони. Я думаю, нашу колонну ждут.

– Да, похоже, – согласился Николаев, – у них ни одного окопчика нет. Замаскировались только чтоб с дороги не видно. Пошмаляют по колонне, потом вон по тому овражку откатятся за сопку – и артиллерия не возьмет.

Грамотные, суки, – процедил Связь.

Взводный уже укладывал карту в карман. Приказал:

– Отходим назад 300. Святой – впереди, Макс – замыкающий. Связь, проси у «Байкала» овощей, – в глазах блеснул огонек мальчишеского озорства.

Восемь фигур в камуфлированной одежде и обвешенные оружием и боекомплектком скользили по весеннему лесу так же бесшумно, как пришли сюда. Вернулись назад на 300 метров, залегли в кустарнике. Связь, поднеся микрофон к самым губам, передавал тихим голосом:

– Байкал, Байкал – я Кобра. Квадрат «Зубр», по улитке 6. Прошу прислать 5 огурцов.

Это означало, что командир разведгруппы просит накрыть пятью минами точку с указанными координатами.

Через 3—4 минуты «Бог войны» проснулся и расщедрился на целых 7 «огурцов». Разведчики слышали, как вдалеке хлопала выстрелы минометов. Затем все нарастает гудящий свист стремительно несущихся мин. Звук все громче. И вот уже кажется, что свист у тебя над головой, в голых кронах деревьев. Тон его меняется – он становится все ниже и громче. Ему вторит тонкий писк следующей мины. Затем он немного стихает и в этот миг кто-то огромный, сильный и безжалостный разрывает одним движением полотно неба. Громоподобный треск, крики смертельно раненых людей.

Угрожающий свист.

Тысячекратно усиленный треск рвущейся ткани.

Крик...

Тишина кажется оглушительней обстрела.

Разведчики убирали руки с затылков, поднимали головы от земли и стряхивали присыпавшие их мелкие веточки и комочки земли. Все-таки артиллеристы-минометчики дали маху. Одна из семи мин упала на крохотную полянку в 20—30 метрах от разведки. В ста метрах от того курса, куда ей следовало лететь.

Святой первым поднялся и окинул взглядом своих:

– Все в порядке? – спросил он и ругнулся про себя. Голос звучал словно чужой, все-таки оглушило, ничего, скоро пройдет.

Голова была ясная. Но одна мысль не давала покоя: «Ну почему в кино про войну свист мин и снарядов звучи так похоже, а звук взрыва – совсем другой? И, почему, если свист так похож, то в кино не страшно, а здесь готов врыться с головой. Ладно, хватит «философствовать», потом. Вон уже взводный зовет.

– Порядок построения прежний. Рванули, посмотрим, что получилось, – отдал команду лейтенант.

За 100 метров до засады развернулись цепью и, обхватывая ее полукольцом, приблизились. В радиусе нескольких десятков метров валялись сломанные деревья и срезанные осколками ветки. Прямого попадания не было. Мины рвались в ветвях деревьев, но осколками посыпало обильно. Везде пятна крови. Следы ног в сторону Хиди-хутора. Видно тащили раненых или убитых. Трофеи: АК-74 с разбитым осколком прикладом, 5 выстрелов к РПГ-7, 3 снаряженных магазина к АК-74, и гранаты РГД-5 и одна Ф-1, две запечатанные пачки сигарет «Космос» (тут же перекочевали в карманы разведчиков и в официальный отчет не вошли).

Противника не преследовали, так как получили приказ занять оборону и укрепиться в данной точке до подхода основных сил.

Все это докладывал лейтенант Смагленко командиру разведроты мотострелковой бригады капитану Санникову, уже поздним вечером в командирской палатке сидя на свернутом спальном мешке, возле печки-буржуйки.

– Все ясно, – подытожил ротный. Это был невысокий, темноволосый, очень подвижный человек. Он пользовался абсолютным уважением и авторитетом у всех за умение выслушать каждое предложение и принять хладнокровное решение в любой, даже самой сложной ситуации. – Эта их задумка не удалась, будем ждать следующей пакости. Как там твои? Охранения выдвинул?

– Да. Вниз по откосу над обрывом. Хотя по зеленке не видно, зато слышимость отличная – по круче тихо не пройдешь.

– Давай. До рассвета доклад каждый час.

Разведчики первого взвода сидели возле костерка и блаженно переваривали только что поглощенный сухпай.

– О, взводный! Тащлейнант, тут ваш чаек горячий дожидается, – первым заметил командира балагур Лешка Швец.

– Горячий – это хорошо. Кто на посту?

– Макс и Снайпер – только заступили, – доложил Николаев.

– Они поели?

– Да, первыми.

– Хорошо. Тушим костер – уже темнеет.

Разведчики слаженной командой приготовились к ночевке на околице с виду такого мирного и тихого, но в наступившей темноте грозного и опасного селения Хиди-Хутор. В сотне метров вниз по откосу сооружен секрет в виде окопчика, где они будут охранять сон товарищей. Связь, как всегда, в обнимку с рацией, ведь через каждый час он будет докладывать ротному. Взводный Смагленко и замкомвзвода Николаев поделили ночь пополам, чтобы поменять смены и следить за дорогой.

Ночь была холодной и ветреной. Плотные тяжелые тучи, роняя, время от времени, набухшие снежинки и капли ледяной воды, неслись на север. «Ко мне домой полетели», – подумал Святой, натягивая на голову плащ-палатку. Заткнул концы ее под себя, и еще раз проверил, нет ли щелей, и только после этого чиркнул спичкой, осветил на часы – два часа двадцать пять минут, прикурил сигарету и тут же вынырнул из-под плащ-палатки. На несколько секунд прикрыл глаза, чтобы быстрее привыкли к темноте после света спички. Затем руку, с зажатым в кулаке огоньком сигареты, быстро сунул за пазуху. Наклоняя голову, затягивался и выпускал дым внутрь, под бушлат, чтобы не огонек, не дым не выдали его в кромешной тьме.

Хлопок выстрела в застывшей холодной тьме показался не реальным. Порывистый ветер не дал Николаеву определить направление. Красная сигнальная ракета прошипела в черном небе, сразу застрочила длинная автоматическая очередь.

Наши!

– Тревога!

– Четверо, перебежками – на помощь!

– Остальные – круговая оборона!

– Прикрывать!

– Сигнал о нападении в эфир!

На размышление и выполнение команд десятков секунд. Когда подобрался к секрету, то увидели, что Димка Десант лежал на дне окопчика в неестественной позе. Возле него на коленях стоял Прист с автоматом на изготовку.

– Что...?

– Выстрел, один из зеленки. Пуля попала в плечо. Он еще живой. Я уколол ему промедол, один кубик. Потом шмальнул наугад, по кустам.

– Откуда стреляли?

– Не засек.

– Святой, остаешься.

– Десанта на плащ-палатку, – четкие команды взводного расшевелили разведчиков, оцепенело смотревших на раненого. – Понесли. Спасем!

Святой в это не верил. Он слушал, как стонал Димка, когда его перекладывали. Видел его безжизненно-бледное лицо. Еще он, когда поднимал раненого, рукой наткнулся на кровь на пояснице. Это означало только одно – на вылет. Пуля вошла в плечо – вышла на пояснице, по пути могла задеть сколько угодно жизненно-важных органов.

«Две недели, – думал Николаев, оставшись один и всматриваясь в зловещую темень смертельной зеленки, – Две недели прослужил у нас Димка».

Он вспомнил, как две недели назад в роту пришли новенькие. «Молодое пополнение» в шутку их называли, но абсолютное большинство из них были контрактниками. Димон сам напросился в разведку – понимал, где самое рискованное и ответственное место. Его без колебаний зачислили, ведь он второй раз пришел на чеченскую войну. Первый раз – на срочной службе, в десантных войсках. Принимал участие в первом штурме Грозного в 94-м году. Тогда, совсем еще салага, отслуживший полгода, выжил в этой страшной мясорубке, проявил себя – наградили медалью «За отвагу».

Когда Николаев узнал об этом, он спросил:

– Зачем тебе было сюда возвращаться? Смерти ищешь?

– Нет. Понимаешь, после Грозного часть вывели из Чечни на переформирование, потому что были большие потери. Мы думали скоро вернемся. Все мужики рвались в бой, хотели отомстить, показать себя. Но полк остался в России. Я дембеля еле дождался. Сразу в военкомат и подписал контракт в Чечню. Дома пробыл всего два месяца.

– У тебя что, родных нет?

– Есть. Мать в Твери.

Николаев смотрел и понимал, что этот двадцати одного года от роду парень действительно пришел на войну. Дома времени не терял – выточил нож-финку. С собой взял даже крохотные плоскогубцы, не говоря о фонарике, нитках, шиле, компасе, и куче разной мелочи, которой нет под рукой во время боевого выхода. Весь взвод обращался к нему то за маленьким, но удобным консервным ножом, то за таблеткой анальгина.

Пока Святой вспоминал все это, сидя в промозглом окопе, вернулся Прист. Начитанный здоровяк и остролов из Подмосковья был угрюмым и рассеянным молча устроился на свое место и затих.

– Ну? – не выдержал Николаев.

– Умер. До медиков донесли. Они успели только еще один промедол вколоть и начали раздевать. Он застонал и... Всё. Вот у меня его часы остались. Выживу – отвезу его матери в Тверь. Пусть будет память о сыне.

– Вот, блин. Значит, не он смерти искал, а она его нашла, – пробормотал Святой.

– Чего?

– Да так.

Разведчики надолго замолчали, и, как будто дослушав их до конца, с неба тихо сыпал густой, разлапистый, мокрый снег. Он быстро и бесшумно покрывал голые, мокрые ветви деревьев, черную, прошлогоднюю траву, головы и плечи бойцов.

– Черт бы побрал эту слякоть, – прервал затянувшееся молчание Прист, кутаясь в бушлат и поправляя под собой кучу сломанных веток, которые составляли прослойку между землей и телом.

- Через полчаса должна быть смена.
- Димку жалко. Опытный же был пацан, черт его дернул закурить.
- Да, четко, гады, сработали – по вспышке.
- Наверняка и нас сейчас пасут.

Помолчали, взглядываясь в зловещую, враждебную и мокрую темень.

– Жрать охота, – обращаясь сам к себе пробубнил Прист.

– Понятно. За день столько отмахали. Да и холод собачий, – поеживаясь, согласился Святой, потом помолчал и добавил, – Старшина сегодня вечером заявил, что у него уже и хлеб кончился. Завтра выдаст, как и сегодня, по две банки кильки в сутки на человека, но теперь уже без хлеба.

– Ух, сволочи! – злобно процедил Прист, – я эту кильку в томате и на гражданке никогда не ел. Разве только на закусон с мужиками, с получки. Теперь точно – если жив останусь, то до конца дней моих скорбных, она мне в рот не полезет.

– Слушай, Святой, – немного помолчав, предложил Прист вполголоса, – куда они нашу тушенку девают? Понятно, говяжьё можно чичикам продать, но ведь свинину они не едят.

– Спроси, чего полегче. Сегодня встретил земляка из пехоты. Патроны у меня попросил. Дал ему несколько пачек и пару РГДешек. Слава богу, этого добра у нас в разведке хватает.

Прист неопределенно хмыкнул, то ли, соглашаясь, то ли осуждая кого. Потом, положил руку на живот и проговорил:

– Не знаю, кто как, а я на этой кильке еще дня два выдержу, не больше. Потом... Потом не знаю.

– Потом старшину съедим.

– Не буду. В нем говна много.

Старшина в роте пользовался стойкой непопулярностью за свою заносчивую спесь, лень и открытую трусость. Когда Николаев уловил момент и, невзирая на субординацию, с открытым презрением высказал все это прапорщику, тот нисколько не смутился и с подленькой улыбочкой заявил, что ему осталось несколько недель командировки, и он хочет попасть домой живым. «И богатым?» – глядя ему в глаза, добавил Святой. Старшина ничего не ответил, только злобно сверкнул глазами, круто развернулся и пошел к своим ящикам.

Размышления прервали пришедшие Костик и Макс. Святой думал – на смену, оказалось, нет.

– Мы на усиление, по радио передали, что возможно движение духов в нашем направлении. Так что до утра вся рота находится в окопах, – рассказал Макс, потом весело добавил, – Мы вам еще по одному одеялу притащили.

Николаев только чертыхнулся негромко и, устраивая под себя второе одеяло, спросил:

– Курить хоть есть?

– Есть-то, есть, но ты что, хочешь за Десантом пойти? Тогда знай, что я тебя, дурака, к медикам тащить не буду.

– Не бойсь. Давай две плащ-палатки и по-одному на дне окопчика попыхтим, хоть согреемся.

– Давай попробуем, – нехотя согласился Макс, – раз жрать нечего, то хоть «курятиной» будем питаться.

Снег все валил и валил. Земля стала белой, лишь кое-где выступали из чистого и пушистого снега темные пятна пней и кустов.

Только утром, когда окончательно рассвело, солдаты получили возможность хоть как-то согреться у чахлого, еле живого, костерка из промокших сучьев. Да неунывающий Леха Швец сделал горячий чай из веточек вишни. Для усталых, голодных, промокших и продрогших солдат этот напиток вкуснее божественного нектара.

Часов в 10 получен приказ выдвигаться обратно. Ревущая и лязгающая колонна бронетехники начала выстраиваться на дороге походным порядком. Разведчики, оставив на месте гибели Димки наспех сделанный крест и, заминировав его, уже двигались вперед. Они шли в 100—150 метрах с двух сторон от дороги. По весеннему лесу, по чавкающему снегу и холодным лужам. Мечтающие вдоволь поесть и согреться, они прекрасно понимали, что сейчас от их выносливости и умения зависит безопасность движущейся колонны.

2

Вечерняя проверка в армии – непреложный закон. Ротный стоял перед строем и, подсвечивая себе фонариком, читал список. В девять часов вечера в марте – темень кромешная. Полевой лагерь не освещался. Только когда распахивались пологи палаток, пробивались тусклые лучики света. Из солдатских – от коптящих там самодельных плошек с соляжкой. Из офицерских – от мерцающих лампочек, запитанными от списанных аккумуляторов.

Лагерь раскинулся на огромном, продуваемом всеми ветрами поле, пересеченном несколькими грунтовыми дорогами. Повсюду блокпосты. Между ними пространство, усеянное минами, растяжками и сигналками. К тому же, скучающая на блокпостах пехота, с радостью открывала огонь по любой подозрительной тени, будь-то одичавшая собака, привлеченная запахом человека, или чудом выживший до сих пор заяц.

В подтверждение его мыслей далеко во тьме прозвучала длинная бодрая очередь из автомата «30 патронов, на весь магазин» – мелькнуло в голове Дениса.

Тем временем ротный дочитал список, захлопнул папку. Выключил фонарик.

– Так, орлы! Вижу, не доходят до вас мои ласковые слова. Сколько раз говорил – после отбоя не шастать. И куда можно бегать?

– Так, посцать, тащктан!

– Ладно. Приказ дежурному по роте и часовым: «По сцущим не стрелять» слышал, дежурный по роте?

– Так точно! – сквозь общее оживление из темноты голос.

– А чтоб не расслаблялись – завтра с утра проведем занятие по тактике. Понятно? – и сам ответил – Понятно. Еще, завтра – Ханкала. Чья очередь?

– Первого взвода, – ответил Смагленко.

– Значит завтра в семь утра, восемь человек уже на броне.

– Есть!

– Все. Разойдись. Отбой.

– Первый взвод на места, – Смагленко показался на фоне более светлого неба перед строем.

Остальная рота, тяжело чавкая в вязкой грязи и негромко переговариваясь, стала расходиться на ночлег.

Взводный помедлил, потом назвал двоих:

– Швец.

– Я.

– Дим Димыч.

– Я.

– Эти двое остаются, остальные в 6.30 в разгрузках, с оружием у моей палатки. Николаев!

– Есть, понял.

– Сухпай не забудь.

– Возьмем.

– За что нас, тащ-льнант? – затараторил обиженный Леха Швец.

– Завтра будет у вас обоих время подумать, что кому и главное, когда нужно говорить.

Это было наказание для обеих за слишком длинные языки. Они вчера какую-то глупость сморозили ротному, и тот высказывал за это Смагленко.

– Так я же...

– Всё! Завтра вечером доложите, что надумали, а сейчас – отбой!

Леха, пока шли 20 метров до палатки, еще пытался полупшепотом апеллировать к Денису. Но тот отмалчивался. Так же, как и Дим Димыч, которому хватило, в его 44 года, мудрости принять наказание от 22-летнего, в сущности годившегося ему в сыновья, мальчишки.

Взвод разошёлся по трем палаткам. Возле каждой послышалось дружное журчание – мужики отливали перед сном. Денис философским взглядом смотрел на темное хмурое небо, затем встряхнул, застегнул ширинку достал сигарету, прикурил от протянутой Максом спички. Молча покурили и полезли в палатку.

Палатки были устроены так. Сначала шел небольшой «предбанник», метра два в длину и не больше метра в ширину. По его бокам, под брезентовыми стенами, стояли ящики со всяким ненужным хламом. Были здесь и ОЗК, и противогазы, и изодранные бронежилеты, и замызганные, старые хэбэшки, и недоношенные сапоги. Помятые сломанные коробки для пулеметных лент, и сами, поржавевшие и порванные пулеметные ленты, и еще много чего не поддающегося описанию, но не подлежащего списанию со старшинского учета.

Вторая, основная часть палатки была собственно жилой. Для ее устройства сначала выкапывалась яма 2,5 x 2,5 метра и сантиметров 70 глубиной. Затем стены ямы укреплялись специальными деревянными щитами, так что края щитов поднимались сантиметров на 30 выше уровня земли по всему периметру ямы. В центре устраивался столб – поддерживать центральную часть палатки. Затем на выступающую часть щитов и центральный столб натягивались брезентом палатки. Три штуки, одна поверх другой, чтобы создать хоть какую-то прослойку воздуха и максимально сохранить тепло.

Внутри устанавливались широкие, от стены до стены нары шириной до 2-х метров. На них расстелены ватные спальные мешки, в которых и спит личный состав. Под головой у каждого – вещмешок, под ним – разгрузка и автомат. Оружие разведчик всегда держал при себе: ночью – под головой, днем – на плече, всегда с пристегнутым снаряженным магазином.

Со стороны входа оставалось пространство, которое занимали с одного угла обычная солдатская тумбочка, хранившая всякие нужности в виде «мыльно-рыльных» принадлежностей, конвертов, тетрадок, котелков и кружек. В другом углу стояла печка-буржуйка со сваленным возле нее ночным запасом дров.

Возле печки сидел Дим Димыч, он с мрачным видом пошевеливал своими необъятными плечами и попыхивал сигаретой в открытое жерло печки. В пляшущем свете огня Денис и Макс уселись на свои места на нарах и стали сталкивать облепленные грязью до самого верха голенищ сапоги. Четвертым обитателем их палатки был Леха Пузырев, который, зарывшись в свой спальник, старательно делал вид, что пытается заснуть.

– Ну и грязь, – начал дежурную тему Макс, впрочем, эта тема никому не надоела, – Я такой грязищи никогда не видел.

– Это явление надо писать с большой буквы – Грязь, – поддернул тему Денис.

Грязь в этих местах была действительно уникальным явлением. Как только зимние морозы отступили, земля под непрерывными, нудными дождями раскисла и стала труднопроходимой, в самом прямом смысле этого слова. Дело в том, что когда человек делал шаг, то нога проваливалась. Неглубоко, до щиколотки не доходило, но следующий шаг сделать было очень сложно – ногу приходилось прямо-таки выдергивать из засасывающей вязкой субстанции. Стоило немного постоять на одном месте, и сдвинуться можно было, только крепко ухватившись за голенища сапог или берцы. И так, помогая руками, выдирать обувь из грязи.

– Еще этот Леха ... – Димыч злобно окурок в печку, – Придурок!

– Димыч, не знаю, что там у вас произошло, но думаю, если ты в такой ситуации оказался, то ненамного умней, – Денис осматривал «Наташку» – не прилипла ли где капля мерзкой грязи.

– Сам ты...

– Ты чего обидчивый такой!

– Спице уже! Я здесь потоплю немного. А то завтра уснете и с брони попадаете.

Наутро, в семь часов, Смагленко отдал приказ:

– Все на броню! Патрон в патронник, оружие на предохранитель, – сам первым клацнул затвором и щелкнул предохранителем.

Все дружно выполнили привычную команду. БМП взревела мотором, и, мощно лязгая гусеницами, стала пробиваться по грязевой жиже.

Денису вспомнилось его первое появление в Ханкале. Их тогда еще только везли из дома в Чечню. Одно из самых ярких впечатлений, было удивление, когда он видел, как носились по дорогам БТРы, БМП и танки, сплошь усеянные облепившим их десантом. Он никак не мог понять, как можно держаться на этой ревущей и несущейся на огромной скорости технике, и не свалиться на первом повороте или скачке. Но когда сам впервые влез на броню, и бешка бережно понесла его по целине в окрестностях лагеря, понял, что гусеницы и колеса очень разные вещи. Ехать было довольно комфортно, машина плавно покачивалась на самых невероятных колдобинах и виражах. Реальная опасность свалиться на землю была только когда машина, управляемая неопытным механиком-водителем, резко рвала с места. Или намертво останавливалась при экстренном торможении. Но тут уж не зевай – не на прогулке!

Разведчики разместились на холодной броне, подложив под себя кто – что. Свернутый старый бушлат, возимую сзади макссеть, в основном это были сиденья от старых, где-то найденных, стульев. Бешка уже не надсадно ревела, а мягко урчала, выкатавшись на твердое покрытие возле КПП – место сбора колонны.

Обычная в таких случаях суета, толкотня и непонятные задержки.

Выехали только около 10-ти.

Денис искренне надеялся в душе, что подобные задержки не плод обычной российской безалаберности, а проявление высшей стратегической мысли. Может в это время по дороге уже мчится колонна соседей, или, например, с блокпоста сообщили, что замечено непонятное движение и принято решение подождать, пока не проверят. Хотя кто же должен проверять как не разведчики, а они здесь – дремлют под блеклым солнышком.

Вот команда дана. Рванули вперед. Дистанция от бешки разведчиков до начала колонны – 100м. Впереди них только «танк с яйцами». Это танк с укрепленными спереди огромными и тяжелыми катками, для обезвреживания мин. Мина взрывается под катком, не повреждая техники. Этих катков было два – по одному на каждую колею, отсюда и название у танка.

Они промчали мимо заброшенных полей с реденькими лесополосами по краям, пронеслись сквозь разрушенный, и от этого зловеще выглядящий, цемзавод. Чуть не на крыльях перелетели по хлипкому, латаному-перелатаному железному мосту через вспученный весенними водами бурный Аргун.

Впереди наш третий блокпост, здесь «танк с яйцами» будет ждать колонну обратно, дальше он не нужен, потому что за блокпостом выскакиваем на довольно хорошо сохранившуюся асфальтную дорогу.

Все это время Денис посматривал на фонтанирующую комками грязи задницу «танка с яйцами» и развлекал себя тем, что вспоминал разные типы взрывных устройств. В том числе и такие, что устанавливались не в колее грунтовки, чтобы наехать гусеницами или колесом, а просто плюхались в грязь в середине дороги, идеально – в луже. Взрыватель устроен так, что срабатывает на массу металла, может устанавливаться на первый или второй, хоть на пятый. Это значит, первые четыре единицы техники пройдут, как ни в чем не бывало, а пятая бахнет. В связи с этим Денис еще раз отвлекся от наблюдения за своим сектором обзора, глянул на танчик и подумал, интересно, столь изощренная и умная адская машина – танк и его яйца, примет за одно целое или за резные вещи.

С разбегу выскочили на шоссе. Комья грязи еще летели веером с гусениц бешки, а Вовчик Пузаев уже разогнал ее до 70 км/ч. Холодный поток воздуха нещадно выбивал слезы

из глаз, пробирался за шиворот под ватные бушлаты и снизу под ватные штаны. Казалось, даже кирзовые сапоги продувались насквозь.

Тем не менее, скорость была союзницей. Открытое место проскочить надо максимально быстро, не дожидаясь сюрпризов. Разведчики должны первыми вступить в бой. Принять удар, прикрывая колонну. Дать ей возможность уйти. Сами же в этот момент должны полагаться только на себя, скорой подмоги ждать не приходится. Поэтому и не сводили бойцы, слезящиеся от ветра глаз, с пролетающих мимо редких кустарников, жиденьких посадок и всего того, что может таить опасность. Николаеву в этом смысле было проще, чем другим, он сидел в задней части машины, спиной прислонившись к башне, оттого встречный ветер трепал только его макушку, обтянутую черной шерстяной шапочкой. Так распорядился взводный, сам он сидел впереди и контролировал всю переднюю полусферу, а своему заместителю поручил заднюю.

Утомленные однообразным пейзажем, взгляды то и дело возвращались на яркие столбы огня. Это по всей республике горели нефтяные скважины. Кто и как их поджег, догадаться было несложно, но, когда – Денис не знал. Когда он впервые вступил на эту землю, они уже горели. Постоянно появлялись все новые, солдаты между собой называли их свечками. Они были всюду разбросаны там и сям. Столбы клубящегося пламени поднимались на несколько десятков метров, от каждого тянулся огромных размеров шлейф густого черного дыма.

Много позже, уже на исходе весны, разведчики ушли на несколько недель в лес, когда вернулись, то сразу и заметили, что «свечки» уже потушили.

Ну а жизнь шла своим чередом. На фоне чадящих скважин, среди ревуших и лязгающих военных колонн, мимо разрушенных и полуразрушенных домов и строений, сновали по дорогам туда-сюда чеченцы не легковушках и грузовичках. Кое-где виднелись на полях трактора. Крестьяне начинали свой нелегкий труд, на просыпающихся после зимней спячки, полях. Машины, снующие по шоссе, завидев войсковую колонну, идущую в попутном направлении, обычно останавливались на обочине и пропускали ревущую свору мощной техники. А этого лихого джигита Денис заметил еще издали. Ярко-красная «копейка» неслась на обгон колонны, пропуская встречных, она ныряла между «Уралами» и снова стремилась вперед. Наконец «копейка» пристроилась сзади бешки разведчиков.

Денис этого ждал. Он предупредил взводного, встал на одно колено и вскинул автомат. Ехавшие в машине два молодых кавказца энергично зажеглись, заговорили между собой и засмеялись. Это совсем не понравилось Святому. Мало того, что они нарушили запрет, известный каждому жителю республики и вклинились в войсковую колонну, так эти два молодца явно не боялись оружия, видно стрелять им приходилось не только на охоте.

«Наташка» в руках Святого задрожала, исторгая из себя очередь из десятка патронов. Рассчитал он точно, пули выбили из асфальта красивые фонтанчики и, потеряв стройность полета, рикошетом, вразнобой, плашмя и под разными углами, проляпали по передку машины. Фара брызнула веером стекляшек, решетка радиатора изменила ровный геометрический узор. Первое, неуверенное облачко пара взвилось над разбитым двигателем, правое переднее колесо бешено задрожало. Еще доли секунды Святой видел, как исказилось в гримасе лицо водителя, как резко он крутанул руль вправо и сумел остановить машину только далеко за обочиной дороги, затем «копейка» уже пропала из виду.

«Вот и еще один повод для этих двух вайнахов ненавидеть русских. Хотя должны благодарить – я им жизнь спас. Если бы выстрелил по колесам, то неизвестно в какую сторону, по часовой стрелке, или против, они кувыркались бы, сколько примерно сделали бы оборотов. К тому же Серега Мозоль, механик-водитель, идущей за ними пехотной бешки, вряд ли сумел бы быстро затормозить или свернуть». Посмотрел на торчащую из люка «по-походному» голову Мозоля, и понял, – «Ни тормозить, ни сворачивать, не стал бы».

Приближался Грозный. С обеих сторон дороги потянулись пригородные постройки. Впереди показался блокпост, бетонные блоки перекрыли дорогу, оставив узкий извилистый про-

езд. Сбоку виднелись наспех сложенные бетонные доты, высились стены из мешков с песками, встроенными в них бойницами. Здесь дежурили ВВ-шники или ОМОН, это было сразу видно по гораздо лучшей, чем у армейцев экипировке.

Все пространство на дороге между бетонными блоками было заполнено гражданскими людьми. На подъездах и посту, с обеих сторон, стояло несколько автобусов и легковушек. Люди оживленно шумели, особенно женщины, размахивали руками и пытались что-то доказать возвышавшемуся над толпой, благодаря своему огромному росту, военному, видимо командиру блокпоста. Окруженный своими автоматчиками, он нехотя что-то отвечал волнующейся толпе и скупо тыкал рукой в сторону приближающейся колонны.

Разведчики остановились, не доезжая блокпоста метров 50, взводный вышел на связь:

– Парус, я Кобра. Прием.

– Я Парус.

– На блокпосте – толпа.

– Ты где?

– Не доезжая метров 50.

– Стой на месте, я подойду. Как понял? Прием.

– Понял. Стою. Жду.

Взводный вернул микрофон связи, обернулся к своим бойцам и молча потыкал в пространство вокруг себя. Все поняли без слов и принялись каждый в своем секторе рассматривать кусты, заборчики и дачные домики.

Вдоль остановившейся колонны уже спешил «Парус». Какой-то майор-штабист, Денис раньше его не видел. Еще перед выездом из лагеря, майор подходил к разведчикам, пытался их построить, потом понял, что его попросту игнорируют. Тогда он рассказал взводному громко, чтобы слышали все, что он старший колонны, его позывной – «Парус». Пойдет он где-то в середине колонны «согласно приказа комбрига для координации действий боевого охранения спереди и сзади». Дальше длинная и нудная инструкция, что они должны делать, которую никто не слушал, потому что и так знали. В конце взводный, соблюдая субординацию, буркнул: «Есть», и переложил лежащий на коленях автомат стволом к майору. Тот быстро исчез.

Денис краем глаза видел, как «Парус» присеменил к их бешке и в нерешительности замер у борта. Затем крикнул: «Разведчик, дай одного бойца!» и смело бросился вперед. Смагленко повернулся к хвосту машины: «Святой!».

Денис возмущенно вскочил на колени, хотелось сказать, что он не крайний. Но взводный уже устремил свой задумчивый взгляд полководца вперед, а вся его спина ясно говорила, даже вроде разводя руками: «А кто? Что поделаешь – служба!» Денис молча спрыгнул с брони, немного потоптался для верности, разминая затекшие ноги, и бросился догонять смелого майора. На бегу размышлял – поставить или не поставить автомат на предохранитель. Решил, что не надо.

Майор, с державшимся в метре от его спины Денисом Николаевым, врезался в толпу и стал пробиваться к возвышавшейся военной голове в черной вязаной шапочке. Смолкшая толпа понуро расступилась перед майором и снова сомкнулась за его сопровождающим.

Денис чувствовал себя беззащитным. Толпа окружала его со всех сторон: старики, уважаемые главы семейств и безусые юнцы, старухи и совсем молоденькие девушки, крепкие зрелые мужчины и статные женщины. Что-либо предпринять в толпе, вздумай она навалиться, на солдат, было невозможно.

«Глаза» – вспыхнуло в памяти наставление его тренера и учителя Васильича, – Если хочешь разгадать замысел противника – смотри ему в глаза».

Любопытный взгляд молодой чеченки, тут же смущенно метнувшийся вниз. Заинтересованный взгляд молодого абрека, завистливо рассматривающий вооружение.

Сочувствующий, почти материнский взгляд пожилой женщины, славянки с виду, но в чеченской одежде. «Сыночки холодные, голодные, с оружием. Проклятая война!»

Злые, полные ненависти и презрения взгляды средних лет чеченки и стоявшего рядом мужчины. Явно потеряли в этой войне очень близких людей, и они готовы мстить при первом удобном случае.

Насмешливый взгляд превосходства молодого парня, ровесника Дениса. «Мы с тобой еще сойдемся, и ты подавишься собственными кишками».

Прямой угрозы сейчас, сию минуту, Денис не видел. О чем говорил «Парус» с великаном ВВ-шником, не слышал. Майор двинулся в обратный путь, Денис за ним, продолжая ловить и отмечать про себя взгляды.

Забрался на бешку, устроился на свое место и понял, что весь взмок. Оглянулся, посмотрел, как солдаты где криками, где уговорами, где строгими приказами с матюгами, а где и толчками прикладов разгоняют толпу и заставляют транспорт освободить проезд. Вытянул из кармана сигарету и, невзирая на запрет, втихаря закурил.

Грозный. Раненый и искалеченный еще два года назад город, все еще жил. Полуразрушенные высотки зияли черными провалами окон, многие из которых имели округленную форму, выщербленные бесконечным множеством пыль, снарядов и осколков. Но все же были, и довольно много, окна застекленные, даже были заметны свежестекленные лоджии и балконы. Как это удалось – для Дениса было загадкой. Так же он не понимал, как можно жить в этих квартирах без света, тепла, воды и канализации. Как можно жить в этом городе, когда ежеминутно в окно может влететь шальная пуля или стекло разом вспучится и осыплется сверкающими осколками от громыхнувшего рядом очередного взрыва? Загадка.

Рынок – основная достопримечательность этого района города. Он хоть и не большой, но яркий и обильный. Бойкие торговцы с радостью продадут сигареты. Конфеты, водку, пиво, колбасу, стиральный порошок и мыло любому желающему, не взирая на вероисповедание и национальность. Тут же купят у бойцов говяжью тушенку или бензин. Но тут надо держать ухо востро – веселые торговцы вместо денег могут подсунуть лажу. Ребята однажды показывали Денису 10-ти тысячную купюру. С виду вполне обычная, пока не возьмешь в руки – ощущается подделка на простой бумаге, но главное в ней то, что когда смотришь на просвет, то на имитации водяных знаков, вместо креста над собором Василия Блаженного, высится мусульманский полумесяц.

Колонна приближалась к Ханкале. Мимо проносились дачные поселки с сохранившимся кое-где стандартными щитовыми домиками 2х3 м, окруженные стандартными же шестью сотками.

Свою бешку поставили у КПП, с наружной стороны. Днем опасаться нечего, вокруг шныряла военная техника, мимо то и дело громыхали то в одну, то в другую сторону колонны. Разведчики устали ждать и бродить вокруг. Кто-то размягчено валялся на броне, кто-то покуривал сидя на полусгнивших бревнах, валявшихся поодаль.

Денис сидел, облокотившись о ствол пушки, и лениво поглядывал вокруг. Его внимание привлек БТР ВВ-шников, который вынырнул из КПП и браво урча, побежал вдоль дачного поселка. На его броне в спокойных позах сидело человек пять бойцов. Денис взглядом проследил, как бетер свернул направо, а потом метров 100, и он уже на улице города, начинались высотные дома.

– Слышь, взводный! – Денис перегнулся через пушку.

Смагленко, уткнувшись подбородком себе в грудь, пытался дремать, а может, просто вспоминал свою белгородскую родину. Во всяком случае, он вздрогнул:

– Где?!

– Чего – где?

– А ты чего?

– Я спрашиваю, почему ВВ-шники ездят на бетерах, если есть такие штуки как бешка. И мощней, и надежней.

Взводный странно взглянул на своего зама и начал набирать в легкие воздух для ответа. Денис уже понял, что ответ будет достойным российского офицера, то ли исчерпывающим по содержанию, то ли исчерпывающим в знании русского матерного.

Взрыв!!!

Эхо понеслось между домиками.

– К бою! – пригодился лейтенанту уже набранный воздух.

Вспышки никто не видел, но дымок поднимался с той стороны, где скрылся БТР. Разведчики рассыпались по местности. Взревела БМП и повела из стороны в сторону башней с хищным клювом пушки. Все внимательно всматривались, выискивая малейшее шевеление. Несколько минут прошло в напряженном ожидании, потом из-за поворота показался тот же БТР. Он двигался медленно и неуверенно. Когда приблизился, Святой увидел, что вся темно-зеленая броня залита огромными бурыми пятнами крови.

Святой сорвался с места и бросился на перерез, размахивая руками.

– Стой! Назад! – услышал он сзади голос взводного.

Но он сам уже кричал:

– Стой!!!

Бетер вздрогнул и остановился, из-за крохотной башенки показалась голова молодого, испуганного мальчишки-срочника.

– Что? Что случилось? – орал Святой.

– Н-не... Не знаю... Там... Там взрыв, – трясущейся рукой парнишка показывал назад, у его ног в неестественных позах, истекая кровью и мозгами, лежало двое.

– Сколько? Слышишь, сколько пацанов осталось? – в бессилии докричаться до испуганного бойца. Святой барабанил прикладом по броне. Из люка водителя показалась голова. Тонкие струйки крови стекали по лицу. Глаза безумно вращались в орбитах, не в силах сосредоточиться на чем-либо.

«Этого тоже здорово контузило!»

– А! Двое! – вдруг заорал срывающимся фальцетом водила – Там! Двое наших! Убило! Всех! Там двое!

Разведчики уже подбежали к БТР, все слышали. На принятие решения, взводному как всегда понадобилась секунда.

– Святой, водилу – на броню, сам – за руль, гони в медчасть. Справишься?

– Обижаешь.

– Остальные – за мной! На броню!

Он коротко свистнул и взмахнул рукой. Бешка, как большое дрессированное животное, замерла возле командира и, подрагивая, ждала, когда на нее вспрыгнут разведчики.

Разбрасывая комья грязи, БМП умчала на выручку, а Святой еле успел вскочить на рванувший в обратную сторону БТР. Первой мыслью было вытащить из люка водилу, но тот кое-как справлялся с машиной. Поэтому Денис просто сел над самым люком для верности и стал жестами и матюгами разгонять с дороги зевак.

– В медчасть едем! – на всякий случай прокричал он водиле над ухом.

– Что?! Да! Ага! В госпиталь! Ага! – орал солдат, размахивая головой. Видно парню неслабо досталось, но в его контуженом мозгу крепко сидела мысль о спасительной медицине, поэтому он хоть и не очень уверенно, рулил к показавшемуся впереди красному кресту, нарисованному на большой палатке.

Когда БТР замер у входа, к ним со всех сторон бросились люди. Денис посчитал свою задачу выполненной, ловко соскочил с железного борта. Но его стали хватать за руки, везде ощупывать и спрашивать, где болит. Еле отвертелся и потопал к своим.

Родная бешка показалась ему навстречу уже возле самого КПП. Еще издали пересчитал по головам, понял, что все свои на местах. Когда машина остановилась напротив него, он показал, где свернуть к госпиталю и сказал, что подождет здесь. Проводил взглядом и увидел на броне два лежащих тела.

Позже разведчики узнали, что осколочная противопехотная мина была вмонтирована в фонарь на столбе уличного освещения. Заряд был радиоуправляемым, потому и взорвался в тот самый момент, когда под ним проезжал БТР с комендантским патрулем на броне. Ливнем осколков буквально смело все живое. Тому молоденькому срочнику повезло больше всех – только оглушило звуком взрыва. Из двух оставшихся, которых подобрали разведчики, только один старлей еще подавал слабые признаки жизни. Еле дышавшего его и передали в руки медиков.

Дальнейшей их судьбой никто из разведчиков никогда не интересовался.

3.

Денис Николаев сидел и чистил свой автомат. Вообще-то он уже очистил его после стрельбы, но решил еще раз пройти тряпочкой, смоченной маслом, по всем деталям. Он любил свою «Наташку» за верность и точность боя. «Сколько мы уже с ней не расстаемся?» – прикинул он в уме. Оказывается, уже больше двух месяцев, ни днем, ни ночью не разлучались, ни на секунду. Механически отдраивая и без того чистый металл, ему вспомнилось все с самого начала.

Служить по контракту он попал случайно. В их маленький городок в Воронежской области вывели целую танковую дивизию. Построили на окраине парки для техники и казармы для солдат, а рядышком возвели чудненький, красивый, как на картинке, военный городок.

Тут местные узнали, что можно через военкомат устроиться служить по контракту. С работой в городе было очень плохо. Те предприятия, что еще не закрылись совсем, дышали на ладан и проводили обвальные сокращения. Так за забором оказался и Николаев. С женой тоже не сложилось. Прожили 5 лет и как-то постепенно стали чужими друг другу, тихо-мирно разошлись, благо детей нажить не успели. На службе в дивизии обещали, пусть не всегда своевременно, но довольно высокий оклад.

Зарекомендовал Денис Николаев себя хорошим, крепким сержантом. Мог в моторе поковыряться, радио настроить, бумажки всякие «отчеты-ведомости» ротный заполнять доверял, а у солдат-срочников был вообще вместо родного папы.

В течение тех нескольких месяцев, что служил, не раз приходили разнарядки: столько-то человек офицеров, столько-то прапорщиков, столько-то военнослужащих контрактной службы или срочной службы – откомандировать в Чеченскую республику. Люди уходили, приходили новенькие, возвращались отслужившие там. Они отличались от всех своей молчаливостью, цепким взглядом, которым прощупывали все вокруг себя, как бы ища опасность. Вернувшись из Чечни сразу полагался отпуск и все им с удовольствием пользовались и снова исчезали из части на 2—3 месяца. Возвращались на службу уже похожими на нормальных людей. Два раза приходили цинки с погибшими. Траурное прощание, склоненные знамена, прохождение строем с отдаением последней воинской чести.

За всем этим проходили будни. Николаев ждал, что когда-то наступит его очередь. Когда приходила разнарядка, хватало добровольцев, ведь на войне платили раза в четыре больше. Денис в этом вопросе вперед не высывался, помнил слова одного знакомого капитана, вернувшегося оттуда. Когда они в кафе обмывали получку и оказались за одним столиком. Он сказал: «Сам не рвись. Плохая примета. Играть с судьбой не надо – она этого не любит. Добровольцы редко возвращаются».

Однажды, в начале февраля в воскресенье, Денис возвращался с рынка с сумкой продуктов. Настроение было прекрасное – в чистом морозном небе светило солнышко, чистенький, ночью обновившийся снег похрустывал под ногами. Он шел в предвкушении сытного обеда,

спокойного отдыха перед телевизором. До вечера. Пока не появится на пороге Оленька. Вся такая румяная с мороза, бодрая и жизнерадостная. Скинет в прихожей свой пуховик и прижмет к нему всеми своими крепенькими и обильными прелестями.

Размечтался и даже вздрогнул, когда его кто-то окликнул, прямо над ухом. Это был патруль. Денис машинально перебросил сумку из правой руки в левую, и уж было дернулся отдать честь, когда вспомнил что он в гражданке. Сегодня в наряде были ребята из его полка. Поздоровались. Один из них стрельнул у Николаева сигарету. Закурили.

– Денис, сейчас телефонограмма пришла. Завтра с нашего полка 3 контрактника – на Чечню.

– Ну и что? Первый раз что ли.

– Ничего. Просто знай.

– Спасибо. Буду знать. Пока!

Казалось бы, и не очень сногсшибательная новость, но все-таки пока шел со своей сумкой к дому, в душе поселилось какое-то неудобство. Решил зайти к тренеру. Васильич для Николаева был первым другом и советчиком уже много лет. С тех незапамятных пор, когда Денис, еще ребенком, впервые переступил порог секции самбо. За эти годы было многое – и победы и поражения.

И на этот раз Васильич внимательно и, глядя в глаза, спросил:

– Ты чего же – боишься?

– Я никогда не боюсь, Васильич, как ты учил. Но предчувствие какое-то есть.

– Предчувствие чего?

– Чего-то большого, злого и неотвратимого.

– Да уж. Твои предчувствия тебя редко подводят, – Васильич протянул руку для пожатия, – Ну, дай знать – как там что.

В понедельник на утреннем разводе объявили: «Военнослужащие контрактной службы после построения остаться на месте». Всем было понятно, что означает эта команда, поэтому, когда все разошлись по работам, к начальнику штаба сбегались тыловики. Начпрод сходу убедил, что повара Магамалиева никак нельзя отрывать от кухни, иначе некому будет кормить солдат. Начвещь заступался за швею Кузина, дескать, получили простыни все рваные, а шить некому. Начальник строевой без вопросов забрал своего писарчука Захарчука. Начхим доказал, что 5 человек из бригады каменщиков, остро необходимы. Причем не только ему, достроить новый склад, но и всему командованию. Так как их частные гаражи стояли недостроенные. Попытки командиров «забрать механика-водителя, чтобы довести до ума разобранный на кануне двигатель» или «оставьте единственного в роте связиста» к успеху не привели. И так, их осталось 11 человек.

Подошел исполняющий обязанности начальника штаба подполковник Чигирин.

– В одну шеренгу – становись. Кто был в горячих точках – два шага вперед!

Вышли трое.

– По своим подразделениям – шагом марш! У кого двое и больше детей?

Подняли руки двое.

– Понятно. По подразделениям марш. Остальным сомкнуть строй. Вот что я вам скажу, мужики, – не по уставу начал Чигирин, – пришел приказ, сегодня же вечером от нас отправить три человека в Чечню. Два добровольца уже есть, они сейчас дома вещи собирают, нужен третий.

Подполковник задумался, прохаживаясь вдоль шеренги. Среди солдат этот офицер слыл порядочным и справедливым человеком, поэтому один из бойцов решил:

– Товарищ подполковник!

– Что у тебя?

– Я только вчера женился. Жена молодая, сами понимаете, не могу уйти с этой партией.

– Отставить, – поднял руку Чигирин, – Поздравляю, но это не тот случай.

Он стал прохаживаться вдоль строя, низко опустив голову и явно о чем-то размышляя. Потом заговорил мягко, по-домашнему:

– Мужики, вы знаете, я имею полное право сейчас сам назначить любого из вас. Но не хочу. Не хочу, чтобы вы, или ваши предки, или ваши дети проклинали меня, если не дай бог что-нибудь случится. Поэтому даю вам возможность поговорить и самим решить – кто из вас один поедет. Я отойду на пять минут. Потом не обессудьте. Сам назначу, если не решите.

Правило вы знаете, но хочу еще раз вам напомнить, что бы ясна была картина. Если человек, на которого я указываю, отказывается ехать, он тут же пишет рапорт об увольнении, потом следующий и следующий. Так до тех пор, пока один из вас не согласится, или все не уволятся.

Так что решайте. Может, кто сам решится, может, на спичках потянете – не знаю.

Чигирин отошел в сторону и занялся решением дел с дежурным по части.

Кандидаты сбились кружочком и заговорили все сразу, подняв галдеж.

– Стоп, стоп, стоп, пацаны! – остановил их Николаев, – чего тут решать. Я не женат, детей нет. Есть еще холостяки бездетные?

Все промолчали, только молодожен, улыбнувшись, протянул:

– Я с позавчерашнего дня женат...

– Значит, вопрос решен! – круто обернулся и направился к Чигирину, – Товарищ подполковник, я поеду – старший сержант Николаев.

Все – машинка закрутилась, бюрократический механизм пришел в действие.

– Ко мне с командиром роты.

– В строевую часть получить командировочное удостоверение.

– В продслужбу – получить продатестат.

– В вещслужбу – получить вещатестат.

После всей беготни приятная новость – начфин выдал оклад на два месяца вперед.

– Все? Теперь домой. Явка в 17.00 к штабу дивизии. Неявка рассматривается как дезертирство.

Быстрее в город. Заскочил к своей подружке Оле, попрощались, вытер ее слезы, назвал глупышкой, обещал писать, провозжать запретил. Еще раз вытер слезы, еще раз поцеловал и убежал. Заскочил к другу Кольке на работу – попрощались. Решили, что не криминал по такому случаю и по стакану, выпили. Побежал к тренеру. Не оказалось дома, предал через его жену Нину Кирилловну, что напишет. Заскочил домой, достал рюкзак, поставил точно посреди комнаты и ...остановился.

А что же с собой брать на войну?

А, все сгодится! Теплые вещи, «мыльно-рыльные» принадлежности, кое-какие продукты, ложка, кружка, запас белья. Ключ отдал соседке, велел присматривать и за услугу забрать из холодильника все продукты себе.

Примчал в часть в 16 30.

В автобус, естественно, посадили только в 20—00. Команда со всей дивизии набралось 15 человек, старший майор.

При выезде за КПП автобус остановила группа женщин. В салон ворвались две пожилые женщины, заходясь в крике, стали вытаскивать своих сыновей.

– Я тебе покажу Чечню! А ну марш домой! Там жена плачем заходится. Вояка!

– Мама! Меня же теперь уволят!

– Будешь дома да живой. Прокормим с отцом как-нибудь.

Парнишки молодые, только со срочки, им стыдно, упираются и храбрятся.

– Не пушу! Пусть меня стреляют, а не пушу в ту Чечню.

Матери победили.

Майор пометил что-то в своих документах, позвонил с КПП в штаб, и двинули в путь.

Осталось в команде 13 человек.

Прибыли на территорию Чеченской республики тринадцатого февраля.

Николаев помнил, как в кромешной тьме, как-то очень уж внезапно наступившей ночи, они стояли возле палаточного городка, ожидая старшего, который пошел с документами в штаб. Когда рядом появилась фигура, Леха Швец спросил:

– Браток! А мы где?

– Где-где. В Ханкале! – довольно резко ответил тот.

– А где это?

– Вы чё, новенькие? Вы в Грозном, браточки. Так что лучше не маячьте, а хоть присядьте, что ли, – и затоптал дальше по подмерзлым к ночи грязевым точкам.

Это было неожиданно. Вот так запросто – поезд, самолет, вертушка – и в Грозном. Вдруг, совсем рядом, метрах в 50-ти от них, разрывая тишину, застучал пулемет. Очередь трассирующих пуль нитью протянулась куда-то в сторону. От неожиданности все присели. Да! Это настоящая очередь, настоящими патронами по каким-то, невидимым пока, но настоящим врагам. Это настоящая война. Эта мысль остро вошла в мозг и осталась там навсегда.

В свою часть прибыли на следующий день, вернее сказать – ночь, так как когда Николаев выпрыгнул из кузова тентового «Урала», было абсолютно темно. Всего вновьприбывших было несколько десятков. Зажегся прожектор. Построили в две шеренги. Началось распределение по ротам и батальонам. Называлась фамилия, боец подходил к столику, стоявшему в центре ярко освещенного круга, там что-то отвечали, и солдата забирал командир подразделения.

Николаев стоял, слушал и ждал, когда назовут его фамилию. Он услышал, как какой-то невысокого роста капитан, проходя вдоль строя, спрашивал:

– Богучарцы есть?

– Есть!

– Сколько вас? – подошел он ближе.

– Тринадцать.

– Всех не дадут, – с сожалением протянул капитан. – В разведку кто хочет?

Вызвалось четверо – Серега Кучин, Леха Швец, Вовчик Пузаев, и он – Денис Николаев.

– Не страшно? Знаете, куда едете? У меня только за прошлую неделю 9 человек потери.

– Обижаете, товарищ капитан. Вы еще богучарцев не знаете! Справимся, – за всех ответил Николаев.

Капитан окинул его оценивающим взглядом.

– Знаю. Я сам из той же дивизии, иначе не искал бы вас здесь. Пошли к столику.

Так началась служба в разведроте.

Наутро им выдали оружие. Николаеву достался автомат, который ему сначала не понравился. Кое-как очищен от засохшей грязи. Патронник и ствол забиты землей. Он производил удручающее впечатление. Пока он самым тщательным образом мыл и чистил его, ребята рассказали произошедшую на прошлой неделе историю.

На mine подорвалась бешка 1-го взвода. Механик и наводчик погибли сразу. Тех, кто был на броне, разбросало в разные стороны. Бывшим владельцем его автомата был замкомвзвода Андрей Севернов, по кличке «Князь».

Его нашли сразу, он лежал метрах в пятнадцати от машины в огромной луже. Автомат он не выпустил из рук. Хорошо не захлебнулся, живой. Но эвакуировали в очень тяжелом состоянии, без сознания.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.